



# НАШИ ПОЭТИЧЕСКИЕ СОВРЕМЕННОКИ

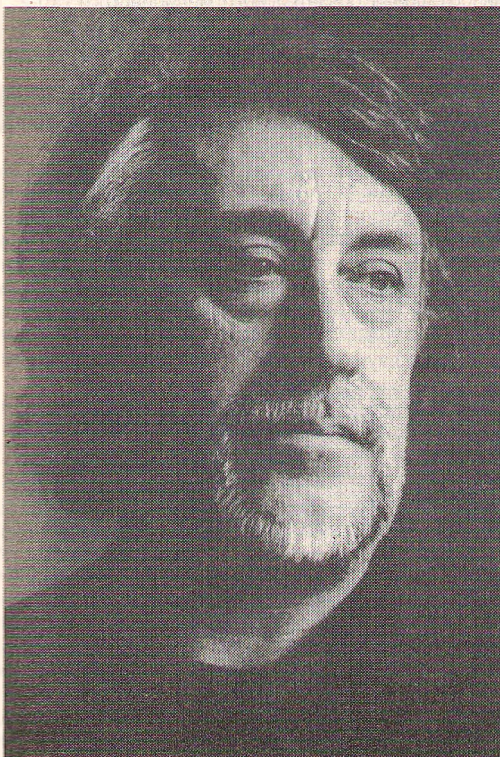
## Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

30 апреля 1947 года в городе Рыбинске родился Юрий Михайлович Кублановский. На другой день, безусловно, местный театр и Юрий батя Михаил Наумович, известный в городе актер, секретарь театральной парторганизации, душевно-патриотично поработали в майском демонстрационно-праздничном действе. Четырьмя годами раньше одно из благодарственных писем верховного кремлевского вождя было прямо обращено к М. Н. Кублановскому: мол, спасибо за средства, собранные театром на боевой самолет. А в начале 80-х его уже взрослый сын Юрий был зафиксирован советской службой госбезопасности как отъявленный диссидент, антисоветчик и выдворен за рубеж. Метаморфоза в разрезе извечного вопроса «отцы и дети». И она весьма не случайна: Юрий всеми десятью классами своего обучения вложился ровно в десятилетие хрущевского демократически-реформенного правления. А когда поступил в МГУ, еще в обществе был известный заряд относительно-свободного исторического периода.

Закончил столичный университет по отделению искусствоведения, работал затем в 70-е годы по музейной линии: на Соловках, в Кирилло-Белозерском комплексе. Публикационно дебютировал в самоиздатовском альманахе «Метрополь» (Москва, 1979 г.). Потом передал за границу рукопись и книжкой вышел (через Иосифа Бродского) в США.

Ровно десять лет длились для Кублановского непростые уроки эмиграции. Побывал у Солженицына в заокеанском Вермонте. Вернулся в Россию двумя годами раньше, чем Александр Исаевич, которого довелось всему Ярославлю встречать летом 1994 г.

Живет Юрий Кублановский в подмосковном Переделкине, трудится заведомом поэзии в редакции «Нового мира». Приезжает в свой родной Рыбинск. Неоднократно выступал в Ярославле и на Некрасовском празднике в Карабихе. Его последняя книжка «Дольше календаря» выпущена в Москве (2001 г.), она имеется в областной библиотеке имени Н. А. Некрасова в Ярославле.



За падавшим в реку мячиком,  
а может, и не за ним,  
я прыгнул с обрыва мальчиком  
и выплыл совсем другим.  
Да вот же он, неукраденный,  
не шедший в распыл, в навар,  
не ради забавы даденный,  
уловленный цепко шар.

С тех пор из угла медвежьего  
неведомого дотоль  
на карте отыщешь где ж его –  
ко мне подступала боль.  
Кончающиеся в бедности  
намоленные края –  
здесь тоже черта оседлости  
невидимая своя...

Вскипали барашки снежные,  
и мы, отощав с тоски,  
как после войны – мятежные  
садились за колоски  
убогого слова вольного...

Потом,  
перевбив хребет  
души,  
из райка подпольного  
нас вытянули на свет.

Ползите, пока ходячие,  
в зазывный чужой канкан.  
Глядите, покуда зрячие,  
на лобную казнь Балкан.

Просторней весной сиреновой  
брошенные поля.  
Но коже подстать шагреновой  
сжимается мать-земля.

Догадки о русском Логосе  
отходят к преданьям – в синь,  
оставив звезду не в фокусе  
и приторную польнь...

Когда ты засветло бываешь  
в потемках дома моего

и все как будто обещаешь,  
не обещая ничего,  
и бормоча: какое счастье  
вдруг после черной полосы,  
расстегиваешь на запястье  
соскальзывающие часы,  
я, как нырлящик неразумный,  
поспешно убеждаюсь в том,  
что беспокоит вихрь бесшумный  
шиповник белый за окном,  
и не страшусь колоты щетиной  
твое раздетое плечо,  
и мне от нежности звериной,  
как молодому, горячо.

...общаясь по телефону  
из эмиграции-заграницы,  
я видел родину – как икону  
нерукотворную из темницы.

Рубрику ведет поэт  
**Василий ПОНОМАРЕНКО.**